

Сухомлинова Валентина

Туркменский десант

Воспоминания и анализ Валентины Сухомлиновой, в дружинах известной как Бурдакова.

Хронология

И в начале Был Забелин. А что было до него, пусть сам и рассказывает. У меня свой отчёт времени.

Шёл 1980-й год. Это был мой пятый год учёбы на биофаке Казанского университета. Пора было думать куда приземляться с дипломом. Честно говоря, не очень-то думалось. Было уже предложение из Байкальского заповедника. Однако я продолжала плыть по течению реки под названием движение дружин по охране природе, а там как вывезет...

Впервые я десантировалась в Туркмению в 1980 году по приглашению заместителя директора по науке Сьунт-Хасардагского заповедника Забелина Святослава Игоревича. Приглашение было официальное, поскольку по нему я получила пропуск в погранзону. Конечно, можно было бы проникнуть и без пропуска (некоторые так и делали, обходя по горам и пустыням КПЗ), но зачем идти в обход, если можно по дороге...

Это хорошо, что впервые я прилетела в Ашхабад зимой. Не было шока, порождённого ощущением выхода из самолёта не на улицу, а в раскалённую духовку.

Самолёт приземлился где-то около часу ночи. Все пассажиры остались в здании аэропорта. Такси не было – этот вид транспорта в те времена был неуловим и невидим. Люди ждали первого автобуса, а мне ждать не хотелось. Я избрала самый привычный вид транспорта – пешком.

Кроме разномастного гражданского люда из самолёта выгрузилась группа военных – человек семь солдат во главе со старшиной – мужчиной крестьянского вида в возрасте около 45 лет. Эта группа тоже решила идти пешком на вокзал.

Я к тому времени научилась находить дорогу интуитивно, а вот как её находили солдаты, мне было непонятно, потому что они шли молча и как-то без сомнений. А на улицах людей не было совсем, то есть абсолютно.

Со мной военная группа не знакомилась и почти не разговаривала. Но я даже не заметила, как попала в окружение. По пустым улицам Ашхабада шли военные, выстроившиеся ромбом, в центре которого шла девушка с рюкзаком и в одежде не городского типа. Шли почти в полном молчании. Только иногда кто-то делился мыслями про то, что живут здесь как-то не так как у нас.

Шёл первый год войны в Афганистане. Эта группа, видимо, прибыла для того, чтобы потом последовать в Кушку, а оттуда далее к местам десятилетней битвы за Азию. Судя по репликам, люди с погонами уже чувствовали себя на вражеской территории, а я была их первым объектом охраны и защиты. И что удивительно – никаких команд не было. Группа действовала слаженно и молча. Жаль, что не было оружия, а то шла бы я в окружении людей, выставивших стволы за периметр ромба.

Так под конвоем советской армии я дошла до вокзала. Было три часа ночи. На скамейках дремал народ, а кассы были закрыты. Моя охрана и здесь меня не оставила. Солдаты сели на лавочки, а старшина остался стоять со мной в ожидании открытия кассы. И опять всё молча.

И тут зал ожидания зашевелился. Вошли люди в штатском и стали просеивать вокзальный контингент. Моя охрана молча поднялась со скамеек и окружила меня. Дальнейшее я наблюдала из-за спин в шинелях.

Несмотря на штатскую одежду и даже явную принадлежность к коренному этносу, сразу стало понятно, кто именно занимается просеиванием. Сейчас фсбешники тоже выделяются из среды, несмотря на одежду и мимику в поведении. Однако их всё же можно спутать с людьми, не имеющими отношения к внутренним органам. А вот кГБешники всегда были видны за версту.

Их выделяло сочетание осторожной поступи хищника с настороженностью и взглядом цыпленка, решившего расклевать своих собратьев. Есть такое явление в курятниках – каннибализм. Оно чаще всего случается в скученных сообществах цыплят-подростков. В какой-то момент петушок, обычно рослый и крепкий, начинает смотреть поверх стаи. Несмотря на то, что смотрит такой петушок как бы вдаль и поверх, взгляд его постепенно становится всё более прицельным. Он выбирает жертву. Обычно выбор падает на какого-нибудь скромного заморыша. Каннибал выхватывает жертву взглядом, а потом, не отводя глаз от цели, направляется к ней с маниакальной целеустремлённостью. Скромный цыплёнок уже понимает в

чём дело и начинает убегать. Погоня продолжается до первой крови. Красное пятнышко обычно появляется под хвостом преследуемого. Там расположены мягкие ткани, не закрытые сильными мышцами и жёсткими перьями. После появления крови за жертвой начинает бегать весь курятник. Массовая бойня длится до тех пор, пока жертва не будет расклёвана до костей.

Я далека от мысли, что кэгэбэшники – это цыплята-каннибалы. Но их всегда выдавал взгляд человека, подсознательно и постоянно ищущего жертву среди своих.

Так вот вокзал явно прочёсывали люди с таким взглядом. Когда один из них подошёл к моему военному эскорту, солдаты расступились. Рядом остался только старшина, наблюдавший за ситуацией как бы безучастно. Человек в штатском проверил мои документы, задал два стандартных вопроса - зачем и куда, а потом попросил следовать за ним.

Представители советской армии остались на вокзале и в моей памяти, а кэгэбэшник отвёл меня в гостиницу при вокзале. Он тоже позаботился обо мне. Возможно, слово «заповедник» пробудило в нём романтические чувства.

А дальше был шок от поездки в общем вагоне поезда, идущего на Красноводск. К тому времени я много видела поездов и других средств передвижения в разных регионах, но по колориту и экстриму ничто не могло сравниться с туркменскими поездами и автобусами местного следования.

Следующее приключение было в унылом месте под названием Кызыл-Арват. Мне нужно было доехать на рейсовом автобусе до Кара-Калы, но я никак не могла сориентироваться в расписании. Точнее мне, европейскому человеку, показалось, что автобусы здесь вовсе не ходят. Впоследствии я поняла, что они ходят, но своеобразно. Как сказал Витя Фет, муниципальный транспорт не подвержен действию расписания. То есть оно, это расписание, наверное, существует, но водители, похоже, о нём забывают.

Поскольку пешком идти до Кара-Калы было сложно, то я прибегла к другому своему любимому средству передвижения – попуткам. Сначала был самосвал, но водитель потребовал расплачиваться натурой. Такая такса меня не устраивала, поэтому меня высадили посреди Ходжакалинской долины. Я настроилась на длительный переход по пыльным дорогам Азии, но тут меня подобрала русские люди. Это были сотрудники ВИРА, для которых слово заповедник ассоциировалось с Забелиным, Переладовыми и т.п. Так что меня

доставили прямо к подъезду дома, в котором две квартиры принадлежали заповеднику.

Я не успела постучать в дверь указанной квартиры, как сзади материализовался Забелин. Он открыл дверь, показал на два холодильника, сказал: «Ешь, что найдёшь» и опять исчез.

Я открыла один из холодильников. Это был морозильник, под завязку забитый змеями. На меня смотрели замороженные кобры и гюрзы, а я прикидывала в уме как долго их размораживать, чтобы потом сварить. Однако во втором холодильнике оказалась нормальная человеческая еда, что отвлекло меня от мысли об экзотической кухне.

Так я десантировалась в Туркмению, которая на несколько лет стала центром притяжения дружинников. Я не хочу употреблять слово выпускник, потому что дружины сформировали определённый тип людей со своей жизненной позицией и стратегий. Для меня школа дружины была настолько значима, что я и по сей день считают, что бывших дружинников не бывает, но есть просто дружинники. И прожитые годы меня в этом не разубедили.

Начала я свою карьеру в Сянт-Хасардагском заповеднике с должности лаборанта. Первый этап длился около месяца. Это были зимние каникулы, которые я расширила до максимально возможных пределов. В университет я вернулась где-то в конце февраля со справкой о том, что не могла вовремя прибыть на учёбу из-за снежных заносов, случившихся на перевалах в ущелье Ёл-Дере. Заносов, конечно, не было, но доля правды в справке была. Дело в том, что снег, который редко, но выпадал в отрогах Копетдага, делал дороги трудно проходимыми из-за глины, которая в мокром состоянии становилась ужасно скользкой, в результате чего автобусы могли и не ходить.

Странное дело, но все приключения у меня случались (а они обязательно случались) при первом посещении территории, с которой мне приходилось взаимодействовать. Через некоторое время территория принимала меня, и моё существование в её пределах становилось стабильным и допустимо благополучным.

Мне повезло быть в первых рядах десантируемых дружинников. Сначала все собирались в Сянт-Хасардагском заповеднике, а точнее – в двух квартирах двухэтажного дома.

В одной квартире базовыми жильцами были Забелины и Скалон, в другой Переладовы. Однако на самом деле это были своеобразные коммуналки, в которых на постоянной и временной основе останавливались самые разные субъекты. Первоначально я разместилась в квартире Забелиных, где на тот момент жили ещё Скалон и Сухомлинов Николай из дружины Воронежского университета. Последний также работал как студент, растягивающий до максимальных пределов зимние каникулы. Потом, когда я приехала уже как молодой специалист с дипломом, меня повысили до старшего лаборанта и поселили в другой, то есть Переладовской, квартире.

Эти две квартиры вмещали большое количество людей за счёт полного отсутствия удобств. Предполагалось, что в них должны быть туалет и ванная, но строители почему-то на их месте сделали отдельную комнату. Все удобства были на улице, а воду привозили во флягах на машинах. Однажды с такой водой завезли сальмонелёз. И удивительное дело – воду пили все, а заболели не все. И теперь, когда людей пугают этой болячкой, я знаю, что не так уж это и страшно. Можно её перенести и просто отлежавшись. Главное, чтобы хватило сил добежать до удобств на улице.

Потом я вышла замуж за Николая Сухомлинова, после чего на 2 года мы уехали в Байкальский заповедник, и уже втроём вернулись в Туркмению. Однако десантировались мы уже Ашхабад, в качестве сотрудников Копетдагского заповедника. Это было время самого разгара формирования дружинного объединения, именуемого нынче как туркменский десант.

Стиль и содержание работы

Для того, чтобы описать туркменский десант, нужно понять, что это такое. Самый приметный признак этого явления состоит в том, что люди, прошедшие дружинную школу в самых разных городах, собрались вместе для **СОВМЕСТНОЙ** деятельности. Иными словами – свои приезжали к своим для того, чтобы делать то, что делали всегда вместе.

Этот признак можно считать обязательным, но нельзя считать достаточным. Например, в Москве полно дружинников, но никто не говорит о московском десанте.

В Туркмению, а точнее, в Сянт-Хасардагский заповедник, первоначально съезжались те, кто хотел фактически продолжить работу дружинного типа, но в иных условиях. К десантируемым я отношу не только тех, кто приехал туда на ПМЖ, но и тех, кто приезжал поработать или хотя бы погостить, то есть приобщиться. Таких было очень много. Когда семья Сухомлиновых

получила двухкомнатную квартиру в усадьбе Копетдагского заповедник, через неё проходил огромный поток командировочных, приезжающих и переезжающих. А ещё были квартиры других десантников, осевших в Ашхабаде... У нас даже останавливались представители Московского зоопарка в лице двух девушек, перевозивших к ужасу нашего кота клетки с огромным количеством птиц.

После того, как в Сьунт-Хасардагском заповеднике осели кроме Забелиных и Переладовых ещё Бурдакова (то есть я) и Бляхер, ресурсы заповедника, видимо, были исчерпаны. По крайней мере после того, как я вышла замуж за Николая Сухомлинова, нам пришлось уехать в Байкальский заповедник, потому что Николая трудоустроить в Сьунт-Хасардагском заповеднике не смогли.

На этом бы всё и закончилось. Масштабного десанта не было бы, если бы Мишу Бляхера не пригласили на должность начальника отдела в Министерство, если не ошибаюсь, лесного хозяйства. Он пристроил в свой отдел Борю Капкова. Это дало возможность влиять на кадры. В результате дружинники стали концентрироваться не только в Сьунт-Хасардагском, но ещё в Копетдагском, Капланкырском, Амударьинском и Бадхызском заповедниках. Это означает, что десантом были охвачены три четверти ООПТ Туркмении. Получалось, что десант состоялся потому, что желание совпало с возможностями. У дружинников было желание работать вместе в соответствии с принципами, выработанными движением. Это желание смогло реализоваться из-за того, что часть дружинников имели возможность влиять на ситуацию.

Возможно, существовал ещё фактор, который можно определить как роль личности в истории. Забелин и Бляхер были несомненными лидерами движения, что сыграло свою роль в процессе притяжения людей.

Необходимо обратить внимание и на ещё одно обстоятельство. В заповедниках Туркмении было много неординарных творческих личностей, профессионалов в области охраны природы, учёных высокого уровня, не имевших в своём прошлом принадлежности к дружинам по охране природы. Я до сих пор не пойму, что было в начале – особая атмосфера, на которую слетелись дружинники, или это десантники создали атмосферу, которая притягивала людей с аналогичным складом мышления и жизненной позиции. Возможно, истина где-то посередине. Кроме заповедников Туркмении, в которых осели десантники, мне доводилось работать в пяти заповедниках

разных регионов России. Подобной атмосферы и подобного подхода к работе я не встречала нигде.

Теперь о другом объединяющем факторе – самой работе и её принципах.

Классический подход к работе заповедников заключается в том, что сотрудники охраняют только официально выделенную территорию, не занимаясь ничем другим. Соответственно, научные сотрудники изучают состояние экосистем этой территории, а точнее – состояние некоторых компонентов этих экосистем. Такими компонентами обычно являлись отдельные группы видов организмов (млекопитающие, птицы, рептилии, земноводные, рыбы, насекомые, высшие растения), иногда объектами постоянного изучения являлись биоценозы, биогеоценозы и их структурные части.

Не знаю как сейчас, а тогда существовал контраст между учеными и лесным отделом, представлявшим собой систему охраны территории. Сотрудники научного отдела были вроде элиты, а служба охраны выполняла вроде бы функцию вспомогательного персонала. Однако в Сянт-Хасардагском заповеднике я помню рейды ученых по охране территории.

Я могу ошибаться, но, по-моему, впервые именно в Туркмении были расширены рамки особо охраняемых территорий высокого ранга за счёт ООПТ низкого ранга. Заповедники стали иметь в своём подчинении заказники и памятники природы. Это компенсировало издержки компромиссов при формировании территорий.

И ещё об одном новшестве. Оно касается непосредственно меня. Это сейчас во всех заповедниках есть так называемые отделы экопросвещения. А тогда, в семидесятых годах XX века ничего такого не было. Пусть меня опровергнут, но истины ради должна заявить, что я была первой. Я работала в системе заповедников до начала девяностых годов. При мне так и не было создано отделов экопросвещения, которые по роду своей деятельности должны называться отделами по связи с населением. И заниматься они должны формированием адекватного отношения к деятельности заповедников у населения.

Исходя из логики, деятельность по связи с населением должна была включать в себя мониторинг состояния общества региона данного заповедника. Я не зря употребила словосочетание «регион заповедника», поскольку именно на этом понятии был основан подход к оценке

формирования сети ООПТ, деятельности заповедников и их связи с населением.

В качестве примера такого подхода, описанного в виде напечатанных мыслей, могу привести 3 статьи, опубликованные в журнале Проблемы освоения пустынь. Этот журнал издавался тогда Академией наук Туркменской ССР. Мысль о регионах заповедников излагалась в статьях:

*Забелин С.И. Некоторые итоги научно-исследовательской деятельности Сьунт-Хасардагского заповедника // Проблемы освоения пустынь №4, 1995 г., с. 62-68.

*Андреев Н.Б. (первый директор Сьунт-Хасардагского заповедника) Сьунт-Хасардагский заповедник как региональный научно-исследовательский и организационный центр охраны природы....с. 68-73.

*Бляхер М.А Национальный парк и заповедник: пути интеграции при региональном подходе....с. 73-79.

Возможно, идея «каждому заповеднику свой регион» нашла своё отражение и в других работах, но я привожу пример только того, что известно мне.

Я понимаю эту идею следующим образом. В идеале каждый заповедник должен быть результатом анализа экосистем территории. Целью этого анализа является выделение части территории для того, чтобы обеспечить в данном регионе сохранность биоразнообразия и экологического равновесия. Однако так реализуется принцип «каждому региону свой заповедник». Поскольку достичь такой цели почти невозможно, выделяемые под заповедники территории являются обычно паллиативом, то есть результатом не столько исследований, анализа и расчёта, сколько компромиссом между целесообразным и разрешённым. Являясь результатом компромисса, заповедники перестают быть частью территории, определяемой по зональным, биогеоценотическим, ландшафтным и другим принципам природного генезиса. Они становятся частью социального, экономического, географического и экономического комплекса. В таких условиях крайне необходим принцип «каждому заповеднику свой регион». Впрочем, он необходим при любом способе формирования территории ООПТ высокого ранга.

Регион заповедника складывается из двух составляющих - природной и социальной компоненты. Природная определяется совокупностью экосистем, биоценозов, ландшафтов в т.п., которые оказывают на территорию

заповедника существенное влияние. Социальная компонента – это вся совокупность социумов, которые так или иначе имеют отношение к территории заповедника. Причём это отношение не обязательно должно быть прямым. Оно может быть основано и на эмоциональных предпочтениях.

Прибыв впервые в Сянт-Хасардагский заповедник, я получила задание от Забелина добыть все возможные данные о состоянии населения и экономики Каракалинского района. Это сейчас всё просто – залез в интернет и сиди, анализируй. Хотя на самом деле не так уже и всё просто. А тогда я пошла в орган исполнительной власти района и попросила поработать с ежегодными отчётами. Не знаю как сейчас, а тогда это был край людей со своеобразным мышлением – что-то среднее между наивностью и простотой деревенского пастуха и советским бюрократом. Сначала лицо ответственное (не помню уже какой это был чин) бурчало по поводу того, что это документы для служебного пользования, поэтому выносить их нельзя. Сочтя аргументы вполне справедливыми, я весь трудовой день добросовестно переписывала данные. Аборигенам конторы почему-то моё присутствие действовало на нервы, поэтому ответственный чин отдал мне все документы со словами: «Иди, потом принесёшь». Потом я узнала, что такая бюрократическая простота была характерна для всей Туркмении, по крайней мере для её сельской части.

За первый свой месяц в роли десантника я создала что-то вроде социально-экономического портрета Каракалинского района, который условно был принят за регион Сянт-Хасардагского заповедника. Фактически так оно и было. Для себя я за 10 лет работы в заповедной системе под регионом заповедника в социальной его части понимала ту территорию, которую население считает своей, в разной форме проявляя заинтересованность в изменениях, производимых на этой территории.

Этот принцип определения региона я пронесла через всю свою профессиональную жизнь. Однако считаю, что в наиболее яркой форме он проявился в методике выделения территорий под ООПТ, разработанной Николаем Сухомлиновым. Эта методика представляет собой развитие принципа определения региона заповедника на стадии выделения и формирования территории ООПТ. Она описана в кандидатской диссертации под названием Геоэкологический анализ сети особо охраняемых природных территорий и учёт общественного мнения при её формировании (на примере ЕАО). Этот принцип, наверное, нашёл своё развитие и в работах других десантников, но я пишу только о том, что знаю наверняка.

Поскольку мои функции в двух заповедниках Туркмении (в Сянт-Хасардагском и Копетдагском) являлись чем-то вроде функций отделов по экологическому просвещению, считаю необходимым остановиться на этом подробнее.

Находясь на должности старшего научного сотрудника Копетдагского заведника, я занялась тем же, чем занималась в Сянт-Хасардагском. В обосновании моей научной темы использовалось понятное тогда слово «пропаганда». Я полагаю, что оно точнее описывает суть моих функций. Мне надлежало осуществлять связь с населением фактически так, как я себе это представляла, хотя директор и его зам по науке (Вячеслав Тырлышкин) иногда вносили коррективы в эти мои представления.

Фактически все 5 лет работы в заповедниках Туркмении я занималась тем, чем столько же лет занималась в дружине, то есть экопропагандой или, если угодно, экопросвещением. С моей точки зрения я занималась проблемой определения состояния региона данного заповедника и методов воздействия на население с целью формирования положительного отношения к самой идее ООПТ и к деятельности конкретного заповедника. С научной точки зрения это была смесь социологии, психологии, географии и экологии. Не буду здесь углубляться в методологию, скажу лишь, что такому подходу я обучилась в дружине, когда мы работали по программам. Именно формирование программ и организованную работу по ним я считаю высшим проявлением движения дружин по охране природы. Для меня это был заряд, определивший всю мою профессиональную деятельность.

Работа в Копетдагском заповеднике имела свою специфику. Усадьба заповедника находилась в Ашхабаде, а сама территория была размазана вдоль границы с Ираном. Так что приходилось работать с пограничниками и с «мирным» населением разных национальностей. В те времена я знала почти все заставы, расположенные на половине линии границы от Каспия до Кушки.

С точки зрения этой моей деятельности интересна и моя дальнейшая профессиональная судьба в системе заповедников. Когда пришлось покинуть Туркмению, мы переехали на Дальний Восток, обосновавшись в Зейском заповеднике. Здесь уже не было никакой связи с движением дружин по охране природы, кроме осколков переписки с коллегами и соратниками. Из всех дружинников, которые мне были известны, в этом регионе, а точнее, во Владивостоке, жили только Валя и Андрей Кубанины.

Директор Зейского заповедника почему-то взял меня на должность научного сотрудника с теми же обязанностями, что в Туркмении. Я опять занималась пропагандой (это слово всё ещё использовалось как общепринятый штамп). Мало того, мне было дозволено организовать и проводить кампанию против строительства Гиллойской ГЭС. И с пропагандистской точки зрения это было верно, потому что население заужало заты за свой добрый поступок, заявив, что он везёт меня, потому что мы, то есть заповедник, выступаем против Гиллойской ГЭС.

Однако директор заповедника вертелся между красивой позицией противника ГЭС и давлением власти имущих различных категорий. В конце концов давление оказалось для него непосильным, поэтому нам пришлось переехать в Хинганский заповедник, где я получила совсем уж экзотическую должность «инженер-социолог». Это уже был плод труда Николая Сухомлинова, которому удалось убедить директора в необходимости функции «пропагатора» именно в рамках лесного отдела. И это было логично, поскольку формирование положительного отношения населения к заповеднику является профилактикой природоохранных правонарушений. А социологом такой человек был назван, потому что для обеспечения высокой эффективности подобной превентивной охраны необходимы были знания о состоянии социумов региона заповедника.

Это нелирическое отступление я позволила себе с одной целью – проиллюстрировать уровень работы десантников. Хвалю не себя, хотя, не страдая ложной скромностью, полагаю, что и мой вклад в обеспечение этого уровня имеет значение. Те из нас, у кого была возможность влиять на кадровый состав, использовали мои профессиональные возможности в соответствии с явной необходимостью выполнению подобных функций.

То, что я вне дружинно-десантного сообщества умудрилась в дальневосточных заповедниках выполнять те же функции, говорит об объективной необходимости в специалистах подобного рода. В первый же год работы в Зейском заповеднике на какой-то конференции, где были собраны представители разных заповедников региона, моё явление как специалиста «по пропаганде» заповедного дела было некоторыми делегатами принято в штыки. Они с агрессивностью и с пеной у рта доказывали, что «народу это не нужно». Я уже не помню приводимых аргументов, по-моему, аргументов не было вовсе, были эмоции людей, которых кто-то пытается вывести из уютного мирка штампов и догм. Мне было забавно наблюдать баталии по своему поводу, поэтому я молчала. Решил проблему мой

директор, заявив, что Сухомлинова занимается пропагандой в нагрузку к основным обязанностям. И я с удивлением узнала, что занимаюсь я орнитологией. На меня действительно к моему великому удовольствию нагрузили обязанность отслеживать пролёты птиц. Это позволяло мне выезжать в полевые, по которым я скучала. А отслеживать пролёты птиц на Зее было просто. С крыльца моего дома была видна вся громадина Зейской плотины. Река Зея была маршрутом перелёта птиц. Всякие там гуси-лебеди, утки, журавли, чайки и пёстрая птичья мелочь, собравшись в огромные стаи, подлетала к плотине, начинала над ней кружить. Поднимался гвалт, слышимый далеко окрест, после чего стаи поворачивали назад, на юг. Специалисты полагали, что птицы облетали огромное ледяное поле водохранилища по притокам Зеи. А мне было приятно видеть, что есть ещё кому лететь на север, к счастью птичьему.

Удивительно, но противники моей пропагандистской функции в рамках научного отдела заповедника, узнав про мою орнитологическую ориентацию, тут же успокоились. Видимо, они вернулись в уютный мир стереотипов и штампов.

Пример перипетий с моей карьерой в системе заповедников хорошо иллюстрирует эффект расхождение кругов по воде. Забелин, Бляхер, Тырлышкин и др. бросили камень в воду. От броска разошлись круги. Я выполняла роль камня, который в нарушении законов физики поплыл по расходящимся кругам.

Этот эффект расходящихся кругов, надо думать, проявлялся во всём, только я пишу о том, что мне ближе всего.

И ещё об одном стоит упомянуть – о науке в заповедниках Туркмении, охваченных дружинным десантом. После Туркмении я работала в заповедниках других регионов, в системе АН СССР и России, в вузах. И нигде мне не довелось видеть тот уровень науки, который существовал, например, в Сьунт-Хасардагском и Копетдагском заповедниках. Я далека от мысли о том, что в других заповедниках уровень науки был ниже. Просто я даю здесь свидетельские показания, а они должны быть основаны только на лично наблюдаемых фактах.

Под высоким уровнем я понимаю не наличие оборудования и хорошей лабораторной базы. Этого ничего не было. Работали «через коленку», преимущественно в полях и по своим квартирам. Однако данные, полученные в таких условиях часто оказываются особо ценными, поскольку

в наибольшей степени зависят от мировоззрения учёного и его способности «зреть в корень». Особенно мне нравилась комплексность исследований, согласованность и взаимообусловленность тем. Из ежегодных отчётов, защищаемых на учёном совете, складывалась комплексная картина состояния территории заповедника, его региона и отдельных объектов. Этот комплексный подход я полагаю следствием дружинного прошлого времен работы по общедружинным программам и максимальной согласованности действий.

Недостатки и уязвимые места

Самым уязвимым местом десантного сообщества было административное неравенство. Одни были начальниками, другие подчинёнными, что так или иначе сказывалось на взаимоотношениях и результатах работы. В дружинах мы все были равны. Это равенство сохранялось даже в том случае, если кто-то становился преподавателем, а другие оставались студентами. Однако положение «начальник – подчинённый» является категорией иного порядка. Не все выдерживали испытания властью. Речь идёт не о злоупотреблении, а вообще – об употреблении, то есть использовании административной власти для давления на соратников.

Возможно, без этого не всегда можно было бы обойтись. Однако единство уз соратников от этого слабело.

Слабым местом я считаю и национальный вопрос. Мы были погружены в иную культурную и языковую среду. Это осложняло процесс взаимодействия с населением. Кроме того, существовала негласная политика кадровых предпочтений, когда на какую-нибудь должность назначались представители местного этноса, а их заместителями могли быть «инородцы», то есть русские, украинцы, белорусы и т.п. На научных отделах заповедников это не сильно сказывалось, а вот в системе охраны такая тенденция прослеживалась однозначно.

Эпилог

Здесь, видимо, нужно сказать несколько слов на тему почему десант разбежался. Причин здесь несколько. Если бы удалось десантироваться куда-нибудь, например, в Сибирь, то ситуация была бы несколько иной. У десантников подрастали дети, которым нужно было давать образование.

Кроме того, в хлопководческих районах детям грозили принудработы на хлопковых полях, протравленных ядохимикатами.

К концу восьмидесятых годов XX века замаячил призрак распада Советского Союза. Это чувствовалось по усиливавшемуся давлению на русскоязычное население. Это не было явно и откровенно, но что-то менялось в обществе. И это что-то активизировало программу под условным названием «Спасайся, кто может». Десантники начали понемногу разъезжаться кто куда. Однако десант остался. Как явление, как опыт и, наконец, как доказательство того, что дружины – это не временное явление. Пока мы живы, мы не бывшие.